

... И если спросите, кого люблю больше — жену или пойму, — то вопрос тут еще остается открытым.

(Из заключительного слова подесенца-докладчика).

Когда любят, спрашивать бесмысленно — за что? Сие выше и гуще рассудка. Оно вселилось в ис куда как раньше, чем осознали себя человеком разумным. Или уж переводить шуточное послowie весьма ученого докладчика на лад серьезный, то и первоприни его обнаружим тоже в предстории человечества.

Мы вышли из поим. И вся жизнь, г зарождения на планете, тнгулась воде — к реке, озеру, морю — к оимой водою земле. Достаточно зглянуть на карту археологических амятников Бранищины, и мы увидим, то практически все из обнаруженых около семисот стоянок, селниц и ороиди с древнекаменного по конец аннекежелезного века — все тонкими ирляндами растянулись вдоль Десы, Судости, Ипути и их притоков. а и после, и не только, разумеется, а Бранищине, расселяясь, человек лавные корни свои сохранил в приоименных градах и весях и чего-лько на реках не понастроил, шьот до атомных станций. Почти две трети городов и 90 процентов сел-россии, говорил докладчик, — на других берегах либо пологих приоименных террасах речных долин.

Живу и сам над Десной, ощущаю денно и нощно особенное дыхание ее оймы как естества живого или до

# НЕ ПОГРЕМОК В ПОЙМЕ

краев насыщенного живым. Даже в пору белого безмолвия куржавеющие ишем в морозное утро купы ивынок и столбики конского шавеля да чемерицы успокаивают: не умерла, не замерла, дышит. Отдыхает перед новой ярою жизнью, что придет с вешним солнцем. И тогда потянется во всю почти двухкилометровую ширь здесь, омоется половодьем и подкрепится свежим сытым напком, глянет ясным взором первоцветов да принарядится разноцветом, какого, по видовому разнообразию, нигде больше вокруг не встретишь (ботаники насчитывают от двухсот до четырехсот видов растений в грациозно извилистой полосе деснянской оймы). Ахнет тысячеусто ликующе-страстным лгушным разнообразием и запоем-залывается соловьем... Да как же и не влюбиться в такую!

Не о деснянских заливных лугах, о других, по подобных им, рассказывает Василий Песков: «Даже и не поэт в этих лугах посещает потребность каким-нибудь образом выразить набевшие чувства. Мой друг однажды стал в лугах на колени: «Ты знаешь, хочется или молиться или по-собачьи лаять от радости».

Но все это хмель чувства. А лишь по мере обобщения богатого «разнотравья» научных материалов по истории природы Подесеня пришло трезвое осознание перепереоимой

роли поемных «стущений жизни» (говоря словами В.И. Вернадского) во вскармлении здесь цельной этнической общности, народа. И понятен особенный интерес поэтому к теме доклада, с которым приехал на Десятые почвоведческие чтения в Брянске профессор МГУ Петр Николаевич Балабко. Тем паче что сам он из придесянской Роговки, селца перед Новгород-Северским, всего в четырех километрах за знаменитыми Пушкарями с их стоянкой кроманьонца. Доклад был о судьбе поим в долинах рек Русской и Восточно-Сибирской равнины (как и все прежде, они состоялись в областной научной библиотеке им. Ф.И. Тютчева).

За тридцать лет исследовательской деятельности почвоведом столько исходил-передумал, что эта судьба равно переложилась в лирико-драматическую поэму, а не доклад. И если чем несколько разочаровал ее автор, так тем лишь, что накопленные наблюдения больше относились к поймам окским, обским, енисейским. К исследованию же почвенно-ботанических процессов в родной ему деснянской привелось обратиться лишь в последние годы. Но для того и собираются ученые-почвоведы Бранищины на свои — единственные в России, что подтвердил столыный гость, — чтения, чтобы обсуждением основного доклада допол-

нить коллегу собственными наблюдениями. Щедро делились ими ученые сельхозакадемии, госуниверситета, инженерно-технологической академии, НИИ люпина, центра «Агрохим-радиология» Е.В. Просяниников, Г.Т. Воробьев, Л.А. Соколов, Н.И. Прищепа, А.С. Ковонов, другие уже известные брянским аграриям и лесоводам, а также начинающие почвоведы.

Пресные — текущие, незацветающие — воды; естественно возобновляемые пастбища и сенокосы; пойменные дубравы; охотничьи-рыбные и пчелиные угодья; мельницы на запрудах; транспортные связи по воде и льду... Что-то из этого ушло навсегда, а что и приобретает все особенный. Мы еще, говорил Петр Николаевич, не все до конца осознали, что с развалом Союза паша Россия стала северной страной. Тут немало утрат, но нужно извлечь из нового положения максимум выгоды. Снова центр тяжести в аграрном хозяйстве смещается в сторону поим. Во все века они нещадно эксплуатировались. Но и сила же природная была иной, да и орудия, с которыми шел на заливные земли человек, с нынешними несправными.

Сухое минувшее лето наряду с явившимся взору на отмени черными комлями вековых дубов обнажил многое и в образе нашего хозяйствования последних десятилетий.

Спрямение рек, осушительная мелиорация, распахка с последующим неизбежным смывом разрушенной дернины (а дернина — депо семян всего разнотравья), выпасы скота на сенокосах, а где и просто пущенные на произвол судьбы прежде окультуренные луга явили местами небывалые факты опустошения, опустынивания. Богатство где прахом, где дымом изошло. (Кстати, не от лесных болот, а от торфяных пойменных пожаров задыхались этим летом и горожане Брянска).

Милые сердцу картины Петр Николаевич перемещал иными — с последствиями незначительности и невежества (да и нежелания ведать!).

Пойма спасла не одну его семью от голода в войну. Припомнился ему и курьезный случай. Немец пришел отбирать корову, а мать в отчаянии гневно указала на копу: мол, нам, что ль, теперь это сено есть? Тот испуганно взглянул на пышную копу, пальнул в нее и убежал, забыв про корову. Может, принял этот жест матери за предупреждение — в пойменных джунглях ведь и партизаны находили приют и прокорм.

Но то прошлое. Из нынешнего. Разруха, как после войны, на животноводческих фермах у самого края пойменного богатства... Зарастающие ивынок и малоседебными гидрофилами (водолюбями) некогда

ухоженные заливные дуга. Распространяются вместо луговых лисохвоста и тимopheвки, овсяницы и мятлики, других чудесных злаков, вместо розового клевера или мышиного горошка лютик и калужница, чемерица Лобеля и вех ядовитый. Все большие площади захватывает злейший луговой сорняк погребок.

...Пестро-рыбные коровы еле ползут вечером, отгруженные молоком, с поймы Оби. И факт убийственный: северным морским путем завозится сено обскими животноводами аж с калужских лугов!..

...Шукинские Сроетки, деревня под Барнаулом. Спрямили реку, и «вырванный у природы» луг вскоре занесло в метр-полтора песком со старого русла...

...Снова бредят поворотом северных рек на юг: теперь карту вверх ногами держат политики — не выйдет ли из реки удобная узда управления южными республиками? А то, что у поим северных рек особая природа, рожденная тем, что весеннее половодье несет не холодную воду на юг, как у нас, на Русской равнине, а, напротив, теплую на север, кабинетным политикам не понять. Да и бужды нет — не те цели, чтобы и сибирскими поймами прирастало богатство России...

...Николина Гора в Подмосковье. Непривозимою воспелась Пришвинным лугам в цвету. Он дописывал свою жизнь в соседнем Дуинге (где довелось и мне побывать). И хаживал к писателю-философу в гости академик Капица — часничали на веранде, развернутой в сторону заречных лугов.

(Окончание на 2-й странице).



# НЕ ПОГРЕМОК В ПОЙМЕ

(Окончание.

Начало на 1-й странице).

Но не о красоте речь. Мелиораторы по воле новых хозяев, не исследовав второпях даже мощи залегающих под лугами торфов, принялись осушать под овощные плантации. Рыли канавы до шести метров глубиной, докопались до залежей вивианита (железо-фосфорного минерала), по своему добились: ни луга теперь, ни тех овощей, которыми, должно быть, глядя на буйные травы, заказчик рассчитывал завалить столичный рынок. «Плантации» окружены проволокой с вооруженной охраной. «Что стерегут до полусотни охранников, — удивляется П.Н. Балабко, — им самим невдомек. Сорняки...»

Ученые пытались пробиться, объяснить, но допущены не были. В том числе — и в лужковскую мэрию, тоже взявшую лужки под овощи. «Ничего мы не стоим, ученые», — даже не посетовали, а констатировали как научный факт...

Зачем, спросит иной брянский читатель, нам алтайские Сrostки, дальние от нас повороты рек, подмосковная Николина Гора? Увы, не только затем, что все это — Родина. Это — и витрина наших магазинов, и кошелёк государства, из которого идут все бюджетные выплаты россиянам и на чем зиждется продовольственная безопасность страны, наша общая независимость в мире. Мы, владеющие пойменными угодьями сотен тысяч рек, завезли (как сено на Обь морским путем) за год, привел цифры докладчик, почти 600 тысяч тонн говядины и свинины, а своего мяса на экспорт смогли выставить только 300 тонн. Мяса закордонной птицы закупили без малого 690 тысяч тонн, а заграничному потребителю дали всего 2,4 тысячи. Не потому, что жалко. И даже молока (!) и того экспортировали менее 80 тысяч тонн, а импортировали свыше 110 тысяч. О масле сливочном и говорить нечего: вывезли около пяти тысяч тонн, завезли вдесятеро больше...

Вот почему так близки к нам и обские дали. Да и то сказать: а разве не утадываются за подобными дальними примерами и факты совсем близкие из практики вовсе недавней, а во многом — сегодняшней? Пойменные земли в структуре областных просторов занимают менее десяти процентов, но остаются основой животноводства Брянщины: до 60 процентов кормов — из пойм. Одними из лучших слыли луга по Десне ниже Брянска, в Выгоничском районе. На чтениях припомнили серию публикаций доцента тогда еще сельхозинститута В.Н. Воропаева в выгоничской районке где-то в 80-х годах

«Повернись лицом к реке».

— А никто не повернулся к реке. Еще хуже стало...

Уж не в намек ли грешным сотворила Природа чудо погремка, думаешь невольно. Помните, упомянул его докладчик в числе злостных кормовых сорняков в пойме? Торжествующе погромыхивает крупными семенами в мощной коробочке он лишь во второй половине лета. А до того? О, добывая только часть насущного пропитания своими зубчатыми листьями, он основное, и в готовом виде, втихомолку тянет из чужих корней, подсоединяясь к ним при помощи присосок. Взяв «свое» в ослабив тем самым собственную кормовую базу, он ввергает ветру свои ширококрылые семена. Довольно весомые, с запасом питания, достаточным, чтобы отрастить присоски и нащупать ими новых кормильцев. Так в пойме. А в поле, напротив, никаких крыльев, полная приспособленность к весу и полноте зерновых злаков — дабы не оказаться ни отвейным, ни отсеянным. И все бы ладно, да ядовит погремок. А в хлебе, если много, в состоянии воспалить кишечные стенки и даже вызвать болезни мозга. Тем же вреден и в луговых кормах ядовитый потребитель дармовщины.

Потребительскому и бездумному отношению к поймам был во многом положен конец коллективным разумом, каким на целое двадцатилетие перед «перестройкой» стал у нас (примером для всей страны) Межреспубликанский комитет по комплексной проблеме бассейна Десны. Время другое. Другие люди пришли к «рычагам экскаваторов». Только природа та же.

Вот зашла речь на чтениях о бонитировке земель в связи с предстоящими кушлями-продажами их. По закону о государственном регулировании плодородия земель сельскохозяйственного использования получается, недоумевает Г.Т. Воробьев, возглавляющий областное общество почвоведов, земля цену имеет, а почва — не имеет. Но ведь в почве-то плодородие! А взять поймы с их в общем-то специфическим, невысоким, по общепринятым меркам, плодородием даже дерновых типов почв, не говоря об основном массиве дерновых оглеенных и иловато-торфяных типов. При бонитировке «лучшие» из них набирают не более 70 баллов, а болотные — вообще семь. А я бы, говорил Григорий Тихонович, по экологической ценности им все сто баллов дал. Бонитет определит цену. И купят по дешевке такие земли, осушат, распахнут, высосут — и все прахом пойдет...

Да не погремок же мы, в самом деле, в родной пойме!

Александр НЕСТИК.